

СЕРИЯ
СОЦИАЛЬНАЯ
ТЕОРИЯ

Вадим Радаев
Миллениалы
*Как меняется
российское общество*

Второе издание

Издательский дом
Высшей школы экономики
Москва, 2020

УДК 316.4.051.6
ББК 60.524
P15

ПРОЕКТ СЕРИЙНЫХ МОНОГРАФИЙ
ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

Руководитель проекта АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ

Рецензенты:

д.соц.н. В.И. Ильин

д.соц.н. Е.Л. Омельченко

Радаев, Вадим

P15 Миллениалы: Как меняется российское общество [Текст] / В. В. Радаев; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — 2-е изд. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 224 с. — (Социальная теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-2160-1 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-2059-8 (e-book).

В книге обосновывается идея социального перелома в современной России, вызванного сменой поколений. Развивается социологический подход к анализу поколений, построена их оригинальная классификация. Особый фокус делается на поколении миллениалов, вступивших в период взросления в 2000-е годы. Для сравнительного анализа поколений используются данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (1994–2016 гг.). Обнаружены устойчивые значимые межпоколенческие различия в планировании семьи, использовании цифровых технологий, приверженности здоровому образу жизни, уровне религиозности, оценке своего субъективного благополучия и по другим социальным показателям. Выявлены случаи, когда миллениалы ускоряют ранее сложившиеся тренды, и случаи, когда они обеспечивают перелом этих трендов. Книга завершается эссе о характерных чертах миллениалов и вызовах, возникших в ходе обучения нового молодого поколения.

УДК 316.4.051.6

ББК 60.524

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<<http://id.hse.ru>>

Аудиоверсия книги подготовлена студией звукозаписи ВИМБО

doi: 10.17323/978-5-7598-2160-1

ISBN 978-5-7598-2160-1 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-2059-8 (e-book)

© Радаев В.В., 2019; 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ. КАК РОДИЛАСЬ ТЕМА МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОГО АНАЛИЗА	7
ТЕОРИЯ	13
ГЛАВА 1. ГИПОТЕЗА СОЦИАЛЬНОГО ПЕРЕЛОМА, ИЛИ ПРОЩАЙ, СОВЕТСКИЙ ПРОСТОЙ ЧЕЛОВЕК	15
ГЛАВА 2. ПОКОЛЕНИЯ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ	31
МЕТОДОЛОГИЯ	41
ГЛАВА 3. ВЫДЕЛЕНИЕ ПОКОЛЕНИЙ	43
ГЛАВА 4. ИЗМЕРЕНИЕ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ.	52
ЭМПИРИКА	63
ГЛАВА 5. МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ДИНАМИКА: МИЛЛЕНИАЛЫ НА ФОНЕ ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ ПОКОЛЕНИЙ	65
ГЛАВА 6. РАЗДЕЛЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ: ГОРОДСКИЕ И СЕЛЬСКИЕ МИЛЛЕНИАЛЫ	122
ЭССЕ	155
ГЛАВА 7. КАК ПОНЯТЬ МОЛОДЫХ ВЗРОСЛЫХ	157
ГЛАВА 8. КАК ОБУЧАТЬ НОВЫЕ ПОКОЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ	185
ЧТО ДАЛЬШЕ? ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	211
Литература	214

Илье, моему сыну-миллениалу

Предисловие

Как родилась тема

межпоколенческого анализа

ТЕМА поколений родилась из простого искреннего непонимания. Долгое время я не интересовался молодежной проблематикой и, честно говоря, не считал ее сколь-либо значимой. Не то чтобы я не видел важности возрастных различий, просто они казались чем-то очевидным, лежащим на поверхности.

Первоначальный импульс пришел не от научных штудий, а, скорее, из обыденного опыта. В какой-то момент я как преподаватель и руководитель лаборатории, в которой всегда работало много молодых сотрудников, почувствовал, что мне стало труднее понимать новое поколение студентов — что их волнует, каковы их мотивы. Я видел, что даже лучшие из них как-то мечутся и не могут определиться со своим будущим (а следовательно, и с настоящим), не в состоянии понять, чего они сами хотят. И рациональные, как мне тогда казалось, объяснения им уже не помогают.

С предыдущим молодым поколением студентов, а затем сотрудников разница в возрасте у меня тоже была немаленькая, но ощущения разрыва не возникало. Они были намного моложе, но не были Другими. А новое поколение воспринималось как Другое, не хорошее или плохое, а именно как Другое, не вполне понятное. Чувствовалось, что оно сильно отличается не только от моего более старшего поколения,

но и от своих ближайших предшественников. Кто-то скажет, что просто выросла возрастная дистанция. Может, и так. Но интуиция подсказывала, что здесь может скрываться нечто большее. И это нечто связано не только с повальным распространением Интернета и все более совершенных гаджетов.

Столкнувшись с этим общим непониманием, я начал обращать внимание и на какие-то более частные вещи, которые с трудом поддавались объяснению. Например, я с удивлением замечал, что многие окружающие меня молодые люди не пьют алкоголь или пьют его в смехотворных, по нашим меркам, дозах (если вспомнить наши молодые годы). Поскольку чуть ранее я начал заниматься этой темой и понимал, что алкоголь — это не обычный товар наряду с йогуртами и майонезами, я обратился к количественным данным. Они подтвердили, что самое молодое взрослое поколение в России все чаще отказывается от потребления алкоголя, причем не только от традиционной водки и самогона, замещая их менее крепкими напитками (пивом, вином или слабоалкогольными коктейлями), а от алкоголя в целом. Здесь возник явный парадокс. Дело в том, что 2000-е годы в России были максимально благоприятными для увеличения потребления алкоголя — устойчиво росли реальные доходы населения, алкоголь в относительных ценах становился все более дешевым, выросло качество алкогольной продукции (особенно это касалось качества пива после революции в пивоваренной индустрии в конце 1990-х годов), уменьшилось количество низкопробных подделок, существенно расширился ассортимент продукции. Иными словами, пей — не хочу. Весь исторический опыт самых разных стран говорит о том, что именно в такие периоды, с ростом доходов населения и доступности качественного продукта, потребление алкоголя должно возрастать. А молодежь, вступившая в годы взросления именно в 2000-е годы, наоборот, начала отказываться от питья или, по крайней мере, его сокращать. Причем произошло это до наступления последних экономических

кризисов и активного разворачивания новой антиалкогольной реформы. Что же тогда случилось?

К этому добавлялись все новые и новые частные наблюдения. И в какой-то момент возникло нарастающее более общее ощущение социального перелома, ощущение того, что мы, ошарашенные бурными 1990-ми и убаюканные относительным благополучием 2000-х, видимо, пропустили какие-то важные социальные сдвиги, которые произошли именно в 2000-е и были связаны с приходом нового поколения. Признаемся, мы во многом заиклены на громких политических событиях и экономических реформах. А молодое поколение (миллениалы) входило во взрослую жизнь в 2000-е годы, когда не было ни того ни другого, время было относительно стабильное и спокойное. И вообще это был самый (некоторые скажут «единственный») комфортный период во всей новейшей истории России.

Желание разобраться подтолкнуло, с одной стороны, к ранее проведенным исследованиям, которые только подтверждали возникшие интуиции, а с другой стороны, к количественным данным. Благо под рукой была прекрасная база данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ с множеством переменных, отслеживаемых почти за четверть века. В этих условиях тем более не хотелось ограничиваться общими рассуждениями. Хотелось проверить, действительно ли миллениалы значимо отличаются от своих предшественников. И если отличаются, то где они ускоряют ранее возникшие тенденции, а где находятся в точках перелома этих тенденций.

Словом, меня заинтересовала не молодежь сама по себе, а именно нынешняя молодежь, точнее, молодые взрослые, или те, кого сегодня принято называть миллениалами¹. Они

---

¹ Популярность термина «миллениалы», по данным Google trends, начала возрастать в России с середины 2016 г.

родились в период начиная с первой половины 1980-х до конца 1990-х годов, и к началу 2018 г. им было примерно от 18 до 35 лет.

Впрочем, начиная книгу о молодом поколении, я должен оговориться, что меня все же интересуют не поколения как таковые. Цель данного исследования — не в том, чтобы «правильно» их выделить и построить стандартный социологический портрет. Скорее, я убежден в том, что правильно поставленный вопрос о молодежи (не просто как о возрастной группе, а об условиях взросления) немедленно становится вопросом о новых трендах и характере социальных изменений в целом. Анализ межпоколенческой динамики, которому посвящена эта книга, — лишь один из удобных инструментов для изучения этих изменений. Инструмент, который приобрел особую значимость именно сейчас...

Понятно, что разделение поколений связано с немалыми условностями и ограничениями, и использование подобных категорий вызывало и будет вызывать немало сомнений и справедливой критики. Операциональное выражение категории «поколение» и в самом деле весьма проблемно. Но, как метко заметил в свое время Теодор Шанин, ровно то же самое следует сказать о понятиях «класс», «этничность» и множестве других базовых категорий, благополучно используемых социальными науками [Шанин, 2005, с. 38].

Несколько слов о структуре книги. Она начинается с теоретического раздела. В нем подвергается критике излишне политизированный подход к анализу поколений, который подводит нас к мысли об отсутствии в России за последние четверть века существенных социальных изменений и сохранении архетипа советского простого человека в молодых людях, которые никогда не жили при советском строе. Этому взгляду мною противопоставляется общая гипотеза социального перелома, связываемого именно с приходом нового поколения миллениалов. При этом я опираюсь на

социологический подход к выделению и анализу поколений, основы которого излагаются во второй части теоретического раздела.

Раздел по методологии также состоит из двух частей. В первой части я предлагаю собственную классификацию поколений применительно к советской и постсоветской истории, а во второй характеризую источники данных и основные методы их анализа.

Наиболее обширной является эмпирическая часть. Здесь содержатся результаты статистических расчетов, позволяющие сопоставить миллениалов со всеми предшествующими поколениями по множеству значимых социальных параметров и уловить новые тренды, которые порождаются или подхватываются новым поколением молодых взрослых. А затем я берусь за самих миллениалов, разделив их на городскую и сельскую группы, чтобы показать внутреннюю неоднородность самого этого поколения. По всей видимости, мною предпринята первая попытка систематического количественного анализа социальных межпоколенческих различий в современной России.

После эмпирической части, опирающейся на расчеты и графики, приходит черед более вольного формата эссе. Это форма размышлений, построенных на основе личного опыта и интуиции, а также на результатах чужих исследований, а не собственного строгого статистического анализа. Здесь предпринимается попытка представить более общую картину социальных изменений, достроить идентичность нового молодого поколения признаками, по которым у нас еще нет надежных статистических данных, и, возможно, набросать множество гипотез для будущих исследований (без возложения на автора ответственности за их проведение). В первом эссе я пытаюсь отобразить и увязать характеристики, отличающие молодых взрослых. А во втором задаюсь более прагматичным вопросом — как нам справиться с новыми вызовами и эффективнее учить наших нынешних

студентов-миллениалов, которых, кстати, уже «подпирает» новое поколение Z.

Ряд материалов был опубликован ранее в разных журналах [Радаев, 2018а; 2018б; 2019; Радаев и др., 2018]. Все они дополнялись и перерабатывались специально для этого издания. Разумеется, к ним добавились и совершенно новые тексты.

Осталось сказать, что данная работа выполнена в рамках проекта Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Я особенно благодарен своим коллегам по Лаборатории, а также всем тем, кто участвовал в обсуждении моих докладов в разных аудиториях Москвы и Санкт-Петербурга, высказав немало ценных суждений и замечаний, которые я постарался учесть в данной книге. Некоторые мои выступления и обсуждения темы межпоколенческого анализа доступны онлайн².

Особо благодарю официальных рецензентов В.И. Ильина и Е.Л. Омельченко, а также Е.С. Бердышеву, Д.Х. Ибрагимову и З.В. Котельникову за важные замечания и комментарии по рукописи книги. Также выражаю признательность В.С. Магуну, И.В. Павлюткину, Я.М. Рощиной, Д.С. Сальниковой и Г.Б. Юдину за замечания по отдельным материалам будущего издания.

---

² См., например: <<https://www.youtube.com/watch?v=wGhCYI9yl5k>>; <<https://eu.spb.ru/news/18058-millennialy-na-fone-predshestvuyushchikh-pokolenij-empiricheskij-analiz>>; <<https://otr-online.ru/programmi/gamburgskii-schet/prorektor-vshe-vadim-81799.html>>; <<https://foi.hse.ru/teach4hse/teachersroom>>.

ТЕОРИЯ

В этом разделе мы увидим, как излишне политизированный подход приводит к разочарованию в современной молодежи и в межпоколенческом анализе, мешая увидеть социальный перелом, связанный с приходом нового поколения.

Глава 1

Гипотеза социального перелома,

или

Прощай, советский простой человек

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК НЕ УШЕЛ?

ПРОИСХОДЯТ ли социальные изменения, какова их направленность, насколько эти изменения глубоки и чем они вызваны — все эти вопросы постоянно находятся в центре внимания. Одним из ключей к пониманию этих вопросов служит видение того, как меняется человек и его взаимоотношения с другими людьми. Говоря о человеке в современной России, нельзя не обратить внимания на многолетнее социологическое исследование, инициированное еще в 1989 г. Ю.А. Левадой и его коллегами (Л.Д. Гудковым, Б.В. Дубиным, А.Г. Левинсоном и др.), результатом которого стало выведение особого антропологического типа «советский простой человек» [Советский..., 1993]. Проект имел долгосрочный характер, замеры общественного мнения делались в 1994, 1997, 2003, 2008 и 2012 гг.

Первоначально «советский простой человек» изучался как «уходящая натура», как тип человека, сформированного в условиях социализма. Но впоследствии авторами исследования было сделано заключение о том, что с разрушением социалистического строя тип советского человека никуда не уходит, хотя и теряет роль бывшего нормативного образца. В новом тысячелетии произошла его реставрация,

более того, в определенных ситуациях он начал выходить на передний план. Утверждается, что этот человек адаптировался к изменениям, порожденным реформами, и сохранил свои основные черты. При этом он не в состоянии (или не склонен) менять сложившиеся условия. Причина видится в том, что, хотя советская система рухнула, ее институты остались прежними, изменения оказались поверхностными, не затрагивая оснований слившихся общества и государства, человек же оказывается производным от существующих институтов. Отсюда делается своего рода парадоксальный вывод: молодые люди, даже не жившие при советском строе, мало чем отличаются по своим жизненным установкам от своих родителей. В итоге с приходом новых поколений общество не развивается, а деградирует [Гудков, 2007; 2016]. Приведем развернутое высказывание, характеризующее эту позицию:

«За 25 лет, прошедших после распада СССР, сменилось целое поколение; в жизнь начали входить молодые люди, не жившие при советской власти, однако мало чем отличающиеся по своим жизненным установкам от поколения своих родителей, в меньшей степени — от своих дедов. Пришлось признать, что дело не в том, чего хотят и как ведут себя молодые люди, а что с ними делают существующие социальные институты, в рамки которых молодежь так или иначе должна вписаться, принять их и жить по их правилам. Основные механизмы воспроизводства этого человека обеспечены сохранением базовых институтов тоталитарной системы (даже после всех модификаций или их рекомбинации)» [Гудков, 2016].

Далее мы рассмотрим специфику и ограничения данного подхода, в особенности его импликация для анализа межпоколенческих сдвигов, и предложим свой альтернативный взгляд.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПОКОЛЕНИЙ

Для того чтобы понять истоки упомянутого выше подхода, посмотрим, как выделялся архетип «советского простого человека». Этот человек понимался как «идеально типическая конструкция человека, представляющая сложный набор взаимосвязанных характеристик, которые связывают и социальную систему (институционально регулируемое поведение), и сферу символически смыслового производства (социокультурные образцы, паттерны поведения и ориентации)» [Гудков, 2007, с. 220]. Мы согласны с тем, что исторический тип человека характеризуется совокупностью социальных условий. Но важно, как определяются эти условия. В анализируемом случае этот идеально-типический конструкт изначально строился преимущественно как человек политический. В качестве его основных черт выделялись: принудительная самоизоляция, государственный патернализм, эгалитаристская иерархия, имперский синдром [Советский..., 1993, с. 24]. Этот человек целиком принадлежал государству. Его сущностные характеристики образуются взаимоотношениями с (государственной) властью. И сегодня, по прошествии как минимум четверти века, в качестве главной особенности «советского простого человека» по-прежнему видятся «умение адаптироваться к административному и полицейскому произволу, способность уживаться с репрессивным государством» [Гудков, 2016]. Этот политический подход плавно переносится на анализ социальных поколений и становится, как мы увидим далее, попыткой девальвации межпоколенческого анализа.

Исходной точкой всех социологических рассуждений о поколениях, как правило, становится идея К. Мангейма о важности значимых совместно переживаемых событий для формирования того или иного поколения [Мангейм, 2000, с. 15] (к ней мы еще вернемся в следующем разделе).

Но далее в процессе конкретизации эта идея подвергается ступенчатой трансформации. Сначала возникает интерпретация, в соответствии с которой содержательное сходство поколений заключается в состоянии пассивного страдания, репрезентации себя как «жертвы социальных процессов» [Семенова, 2003]. Иными словами, значимые события интерпретируются как травмы (аналогичный подход см.: [Edmunds, Turner, 2005]). А затем травмы, в свою очередь, интерпретируются главным образом как политические катаклизмы, т.е. результаты преимущественно политических событий. При таком подходе поколение как реальная (не только лишь статистическая) группа формируется исключительно в противостоянии власти и существующему политическому строю. Становится важным в том числе, за кого голосуют представители того или иного поколения, насколько активно они участвуют в политических акциях, и, шире, какие требования предъявляются к государству и политическому устройству в целом.

В российской социологии при анализе поколенческой динамики, на наш взгляд, политический подход оказался слишком сильно выраженным, определяя не только границы поколений, но, что более важно, характеристики самих поколений. Ю.А. Левада называл этот подход взглядом на общество «сверху», со стороны элит, формирующих значения событий и периодов [Левада, 2001]. При этом, разумеется, значимость «хода снизу» (от повседневной жизни массовых социальных групп) тоже признавалась, но отодвигалась на второй план. В этой трактовке к анализу поколений (в первую очередь молодежи) применяется понятие политической группы (в понимании М. Вебера), демонстрирующей коллективное мобилизованное действие. Если же политические группы в упомянутом смысле не формируются, проблематика молодежи в частности и поколений в целом утрачивает свою актуальность.

РАЗОЧАРОВАНИЕ В МОЛОДЕЖИ

Политический подход к поколенческому анализу порождает, среди прочего, немалые разочарования в молодых поколениях, от которых ожидают устремлений к системным политическим переустройствам. Дело в том, что молодежь в современной России во многом не оправдывает подобных ожиданий. В массе своей она не бросает вызов властной вертикали, не демонстрирует массового участия в протестных движениях. И в целом протестный потенциал с начала 2000-х годов при некоторых флуктуациях остается на сходном уровне.

Досадным образом для приверженцев политического подхода молодежь демонстрирует «ретроградное» понимание советской истории. Так, выявлено, что среди молодежи значимо уменьшается доля тех, кто считает наиболее важными событиями роспуск Советского Союза и попытку государственного переворота (путч) в 1991 г. [Седов, 2011]. Опросы 2011 и 2017 гг. показывают также, что многие из них готовы назвать И.В. Сталина самым выдающимся человеком всех времен и народов, причем доля молодых людей, с уважением относящихся к Сталину, в нынешнем поколении в сравнении с перестроечным выросла в 4–5 раз [Гудков, 2016].

Более того, по данным опросов общественного мнения, повышенная доля респондентов в молодом поколении выражает поддержку действующей власти и ее лидерам¹, показывает несколько более высокую готовность голосовать за правящую партию на выборах в Госдуму [Седов, 2011]. По данным Фонда «Общественное мнение» за 2018 г., среди молодежи 18–30 лет обнаруживается более высокая, чем в среднем, доля тех, кто в целом положительно относится к партии «Единая Россия», а также больше тех, кто думает,

---

¹ См., например, данные «ГеоРейтинга» ФОМ. <<http://bd.fom.ru/pdf/d13np10.pdf>>.

что авторитет «Единой России» растет². Среди молодежной группы более высока доля тех, кто считает нынешнюю Госдуму нужным органом власти³. Высокая поддержка проявлена и на выборах Президента России в 2018 г. По данным ВЦИОМ, явка среди избирателей в возрасте 18–34 лет составила 65,6%, а за В.В. Путина проголосовали 67,9%⁴. Во всем этом нынешним приверженцам модели советского простого человека видятся симптомы глубокой хронической болезни.

В результате возникает весьма безрадостная характеристика современной молодежи как новой реинкарнации советского простого человека, которая наделяется чертами апатичности, безучастности, пассивности и наличием «подросткового сознания». Не без горечи отмечается, что главным носителем реформ 1980-х годов стали не 30-летние, а 60-летние («шестидесятники», или дети «оттепели»). Но еще больше разочарований приносят 2000-е годы, когда оказывается, что повышенная доля представителей молодежных групп считает, что «дела в стране идут в правильном направлении».

Не усматриваются и возможности для возникновения «молодежного вызова» в обозримом будущем. Какие-то надежды всколыхнулись после протестного движения 2011–2013 гг. (серия событий на Болотной площади и др.) и продолжают появляться вновь при возникновении соответствующих событий, например, при выходе на несанкционированные митинги заметного числа школьников весной 2017 г. Но эти надежды ослабевают вместе со спадом очередной волны протестных действий, демонстрирующих (по крайней мере, пока) свою неустойчивость.

Характерно, что в политическом отношении молодежь становится объектом не только разочарований, но и серьез-

---

² <<https://fom.ru/Politika/14120>>.

³ <<https://fom.ru/Politika/13638>>.

⁴ <<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9002>>.

ных опасений. Обращается внимание на то, что нынешние молодежные группы в случае успеха коллективной мобилизации, т.е. своего превращения в политическую группу, зачастую склонны к экстремизму и могут использоваться правящими партиями в своих интересах. Вот перечень характерных черт, которые вызывают особую озабоченность: «Восторженный энтузиазм и максимализм требований нередко сочетался при этом с предельно упрощенными критериями, фанатизмом, этическим утилитаризмом, бескомпромиссностью и жестокостью по отношению к реальным или выдуманым противникам» [Левада, 2005, с. 242]. Пророскальзывают и явные опасения, что вместо Болотной площади или улицы Сахарова в Москве молодежь выйдет на Манежную площадь с совершенно другими недемократическими лозунгами, повторяя события 11 декабря 2010 г. Так что формирование политических групп на основе молодежных поколений в сегодняшних условиях связывается не только с позитивными ожиданиями, но может видаться и как нежелательное явление.

Иногда демонстрируется, впрочем, и более оптимистичный взгляд на будущность молодежных групп в связи с тем, что среди них в большей степени распространены либеральные экономические идеи [Седов, 2011]. Но фактологическое подкрепление у такого оптимизма пока довольно слабое.

В более общем контексте разочарованию в политическом потенциале молодежи сопутствует девальвация проблематики межпоколенческих отношений в целом. В логике изложенного выше подхода начинает казаться, что понятия «конфликта» или «разрыва поколений» — не более чем мнимые конструкции, или фантомные категории, образовавшиеся вследствие перенесения на общественные процессы несоразмерного понятийного аппарата:

«Само перенесение на общественные процессы понятийного аппарата, характерного для рассмотрения “фамильной” преем-

ственности, приводит к ряду *мнимых конструкций* — таковы, например, “смена”, “конфликт”, “разрыв” поколений» [Левада, 2005, с. 235].

В результате на основе политического подхода делаются два вывода: советский простой человек возродился из пепла (или вовсе не умирал), а поколенческие сдвиги в силу своей поверхностности несущественны — дети слишком похожи на своих отцов. На наш взгляд, этот перенос на молодых людей, не живших при социализме, идеалов даже не отцов, а, скорее, их дедов, является серьезной методологической ошибкой и вдобавок противоречит тому, что мы наблюдаем на повседневном уровне. И не потому, что подобная консервация в принципе невозможна (между советскими поколениями сохранялась немалая доля преемственности), а потому, что сегодня эта преемственность, по всей видимости, ослабла. И в дальнейшем мы попытаемся это показать.

ОТ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ К МИЗАНТРОПИИ

Поскольку Ю.А. Левада и его коллеги опирались на многолетние и систематические эмпирические исследования, это помогало им сохранять относительно взвешенную позицию. Если же политический подход не опирается на результаты конкретных исследований, он способен превращать плодотворные в основе своей идеи в политизированные штампы. Примером политизированного подхода может послужить статья политолога В. Пастухова [Пастухов, 2015]. Как заведено, все начинается с классических идей К. Мангейма о переживании совместного уникального социального опыта и о разном вкладе поколений. Но тут же, наряду с «конструктивными поколениями», появляются «деструктивные поколения», чего Мангейм уже в виду не имел. Он писал намного более аккуратно, что «не всякое поколение

выстраивает свою собственную, особенную модель мирозидения и воздействия на мир», т.е. свою энтелехию [Мангейм, 2000, с. 44].

После выделения «деструктивных поколений» политизированный подход, рисующий действительность преимущественно в черно-белых тонах, невольно приводит к хронической мизантропии. Семидесятники характеризуются как «безыдейный псевдокоммунистический консьюмеристский планктон» и как «движение алчных потребителей, присвоившее себе романтические идеалы шестидесятников». Родившиеся накануне перестройки квалифицируются как «разочарованное поколение отвязных циников», «первое уже совершенно безыдейное, но еще советское по сути поколение». Характеристику же миллениалов, которое Пастухов называет «потерянным поколением», в силу нашего особого интереса к этому поколению, приведем в более полном виде:

«В жизнь вступает безвременно состарившееся поколение, у которого нет даже своего собственного будущего. Это поколение мегapotребителей, первым впечатлением жизни которых был ранний Путин. Оно смутно помнит беспредел 90-х, а СССР ему кажется вообще доброй старой сказкой. Авторитаризм, особенно в формате «суверенной демократии», является для него привычной и естественной средой обитания. Девиз этого поколения — урви от жизни все. Это убежденные консьюмеристы. Главным событием их жизни стал нефтяной бум, обеспечивший этому поколению небывалый и ничем не оправданный уровень жизни. Они инфантильны и агрессивны. Их амбиции сопоставимы только с их аппетитом. Из всех видов свобод наиважнейшей для себя они считают свободу потребления. Это поколение лишних людей, которому кажется, что оно востребовано. Оно является социальной базой всех провластных радикальных движений, но не потому, что любит власть, а потому, что любит красивую и комфортную жизнь. Оно не только поддерживает перерождение авторитаризма

в неототалитаризм, но и всячески провоцирует его. Поколение надежды оказалось поколением исторического тупика. Удел лучших его представителей — эмиграция, либо внешняя, либо внутренняя» [Пастухов, 2015].

Комментарии, как говорится, излишни. Миллениалы рисуются как пассивные, потребительски настроенные, заботящиеся лишь о себе и своем выживании. Они готовы снижать свои запросы, верят обещаниям властей. И даже сознание собственной исключительности и особенностей своей страны характеризуется в лучшем случае как невытравленные остатки имперского синдрома, а в худшем — как пережиток былого коммунистического сознания. И в целом перед нами предстает поистине безрадостная картина: на смену «разочарованному поколению» приходит «потерянное поколение», а за ним следует «поколение без будущего» — в таком мизантропическом анализе сквозит явное разочарование и раздражение, и возникает ощущение полной безысходности.

Последняя надежда все же оставляется и связывается с растущим поколением Z, родившимся в 2000-е годы, которое, как ожидается, будет более цельным и дееспособным. Основная причина цельности, оказывается, заключается в том, что оно вырастает «в условиях более жесткой диктатуры». Так, от представления о том, что жизнь поколений определяется преимущественно политическими событиями, мы приходим к фантазмагориям о том, что самым сильным и формирующим поколение впечатлением («первым впечатлением жизни») становится «ранний Путин».

Конечно, это своего рода крайняя позиция (если говорить об интеллигентных версиях), но в ней проявляются все условности и недостатки политизированного подхода. Это взгляд демократически настроенной советской интеллигенции, пережившей Советский Союз. Именно им мы обязаны демократизацией и горбачевской перестройкой. И именно

они продолжают смотреть на социальные изменения через призму противостояния власти (в первую очередь государству), перенося на последующие поколения комплекс собственных разочарований в результатах перемен начала 1990-х годов, которые они сами во многом породили.

В итоге политизированный подход попадает как минимум в две ловушки. Во-первых, считается, что поколение, чтобы его имело смысл рассматривать социологически, должно стать субъектом коллективного политического действия, т.е. политической группой в веберовском смысле, причем, по всей видимости, должно противостоять существующей власти. Заметим, что и то и другое не вполне очевидно — речь может идти, например, о совершении типических неорганизованных индивидуальных действий, которые отличают данное поколение от других поколений. И во-вторых, политическое действие в сильной степени сводится к электоральному и протестному поведению. Последнее выступает еще более сильным ограничением. Ведь сфера политического заведомо шире. А кроме политической сферы есть другие, не менее важные области деятельности. В любом случае, критерий противостояния власти точно не является единственным и, вероятно, не должен быть главным мерилем социальных изменений. И нам кажется, что отсутствие устойчивого и массового политического противостояния молодежи власти и ее представителям вовсе не означает, что проблематика поколенческих сдвигов и разрывов между поколениями уже не актуальна. Действительно, молодежные группы по ряду признаков становятся менее политизированными, чем их предшественники. И возможно, для молодежи вопрос — поддерживать или не поддерживать В.В. Путина — не является столь судьбоносным, как представляется их старшим братьям. Они могут не придавать такого значения голосованию в принципе, имея другую оптику и иной взгляд на саму политическую сферу.

НОВЫЕ ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО
И ГРАЖДАНСКОГО

В настоящее время меняется само понимание политического и его границ, которое все меньше увязывается с электоральным поведением. Судя по всему, молодежь все больше оказывается вне зоны влияния политических партий. И речь идет не о российском, а, скорее, о глобальном явлении, когда происходит изменение способов политической организации. Все чаще используются механизмы горизонтальной мобилизации, опирающиеся на новые формы сетевой коммуникации и не связанные с вертикалями власти и партийным представительством. Яркой демонстрацией такого рода действий стали выступления «желтых жилетов» во Франции в конце 2018 г. Несложно предположить, что подобное движение распространится на другие страны, ибо оно улавливает и выражает более общий политический тренд, который особенно характерен для молодых поколений. Традиционные политические партии в этой ситуации рискуют остаться не у дел.

Заметим, что американские миллениалы, например, также в меньшей степени, чем старшие поколения, идентифицируют себя с конкретной политической партией, примерно половина из них заявляют о своей политической независимости и о том, что не поддерживают никакую конкретную политическую партию [Millennials in Adulthood..., 2014].

Не менее важно и то, что социальная энергия и коллективное (мобилизованное) действие могут уходить в другие плоскости и другие формы активности. Это хорошо выражено, например, Е. Омельченко в интервью «Republic». Молодежь вовсе не пассивна, она проявляет выраженное стремление влиять на происходящее и быть услышанной.

Но реализуется это стремление в других формах. Возрастает ориентация на гражданские проекты неполитизированного свойства, связанные с большей индивидуализацией и политикой малых дел. Их объектами в большей степени становятся экология и защита животных, городские инициативы, спортивные практики, разного рода волонтерство. Они воплощаются в локальные предпринимательские проекты, соединяющие экономические и гражданские начинания [Омельченко, 2018].

Например, опросы населения показывают, что более половины взрослого населения (в большей степени люди молодого и среднего возраста) вовлечены в разного рода волонтерскую деятельность по безвозмездному оказанию помощи [Волонтерство..., 2014]. Волонтерство иногда может внешне напоминать советские практики (например, проведение субботников), но по сути является иной, добровольческой, а не принудительной деятельностью. Добавим, что подобная активность чаще всего не имеет политического характера (о несовместимости волонтерской и протестной деятельности см.: [Оберемко, Истомина, 2015]).

В каких еще сферах реализуется социальная и гражданская активность? Это должно стать предметом более пристального изучения.

ОБЩАЯ ГИПОТЕЗА О СОЦИАЛЬНОМ ПЕРЕЛОМЕ

Наша позиция сильно отличается от изложенного выше политического подхода. Последовательная приверженность такому подходу и убежденность в том, что «советский простой человек» по-прежнему доминирует как антропологическая модель, на наш взгляд, мешают увидеть важные социальные сдвиги 2000-х годов, оказывающиеся на периферии такой модели или вовсе за ее пределами. Чтобы увидеть эти изменения, нужно как минимум сменить оптику. Для этого

социология должна развернуться в сторону культурно-исторического подхода к анализу поколений, который не тождествен политическому (и тем более политизированному) подходу.

Конечно, мы согласны с тем, что, несмотря на вековые конфликты между отцами и детьми, молодые поколения в принципе могут во многом повторять траекторию отцов или не слишком сильно от нее отклоняться. Межпоколенческие переходы могут быть сглаженными, что особенно характерно для традиционных обществ или отдельных социальных групп (примером могут послужить крестьянские общины) [Мангейм, 2000, с. 43]. Кроме того, в любых обществах или группах старшие поколения влияют на младшие через образование, ведущее к накоплению человеческого капитала, и воспитание, способствующее накоплению культурного капитала. Смежные поколения часто сопереживают одни и те же значимые события, и благодаря этому изменения принимают более сглаженный характер, а границы между поколениями становятся более условными.

Но возможны и качественные разломы, когда отношения между смежными поколениями выходят за рамки традиционного конфликта отцов и детей. Конфликт все-таки предполагает наличие содержательной коммуникации (пусть и протекающей в форме столкновений). Разлом же возникает при разрушении коммуникации, при котором артикулированный конфликт может отсутствовать: сторонам просто не о чем разговаривать, предмет для конфликта отсутствует, но и взаимопонимания тоже нет. В этом случае речь идет не просто о серьезных изменениях восприятия и поведенческих практик, но о переходе поколений в ситуацию своего рода параллельного сосуществования⁵. И тогда дело оказы-

---

⁵ Помимо традиционного конфликта отцов и детей, могут возникать особого рода конфликты, связанные с нарушением межпоколенческой передачи ценностей [Стародубровская, 2016].

вается не в том, что миллениалы выступают против идеалов своих отцов и дедов, они, видимо, просто не идентифицируют их ни как идеалы, ни как то, с чем следует бороться.

Предлагаемая нами общая гипотеза заключается в том, что в 2000-е годы мы пережили социальный перелом, последствия которого будем ощущать долгие годы. В отличие от 1990-х годов, этот перелом в России не связан непосредственно с радикальными политическими или экономическими преобразованиями, — напротив, он происходил в отсутствие серьезных реформ, в период стабилизации и был вызван скорее сменой поколений — приходом более молодых людей с другими поведенческими практиками и способами восприятия происходящих событий. Конечно, смена поколений происходит периодически и сама по себе не является чем-то экстраординарным. Возрастные различия более или менее значимы в любое время, но мы полагаем, что именно сейчас они становятся более актуальными, выходя за рамки обычной коллизии отцов и детей. Происходят (во многом уже произошли) важные социальные сдвиги, которые скажутся в будущем и на последующих поколениях (подступающее поколение Z, вероятно, усилит эти тенденции). Представители социальных наук рискуют упустить эти сдвиги — отчасти в силу чрезмерного фокусирования на политических противостояниях и экономических катаклизмах, отчасти по традиционному увлечению анализом структурных параметров или систем ценностей, которые относительно ригидны и часто не позволяют уловить происходящие изменения⁶.

---

⁶ Приверженцы сохранения модели советского простого человека продолжают отстаивать прежнюю позицию. Достаточно сказать о публикации, вышедшей в конце 2018 г. под заголовком «Отцы как дети и дети как отцы». Заметим, что наличие поколенческого разрыва в России в ней уже признается, просто, по мнению автора, он происходит «на уровне практик, но не ценностей» [Волков, 2018]. С этим мнением мы не станем спорить. Хотя и здесь решение вопроса зависит от того, как спрашивать

Наблюдаемый перелом, по нашему мнению, следует охарактеризовать как вторую волну фундаментальных социальных изменений, которая в значительной мере является наследием постсоветских политических и экономических реформ 1980–1990-х годов, просто он произошел не сразу, не автоматически, потребовался определенный временной лаг, чтобы более молодые поколения, вошедшие в новую жизнь без старого багажа, повзрослели и, освоив новые цифровые и сетевые технологии, начали деятельно воспроизводить новые практики, делая социальные сдвиги необратимыми. Эта вторая волна изменений — менее шумная и не всегда четко различимая, но не менее важная по своим долгосрочным последствиям. Наша задача — увидеть и проанализировать эти изменения.

При этом советский простой человек, видимо, не исчез полностью (ничто не умирает окончательно), но этот архетип медленно, но верно отступает на задний план. Времена изменились. И некоторые симпатии молодых поколений к советскому прошлому не должны обманывать — у них другой взгляд на это прошлое и на историю в целом (возможно, более поверхностный), даже если внешне он порою напоминает советский. Для молодых людей советская эпоха становится воображаемым прошлым [Омельченко, 2018], это даже не ностальгия, ибо она уже не связана с личным опытом. Какой человек приходит на смену советскому, мы и должны понять.

о ценностях. Если речь пойдет об общих формулировках, оторванных от повседневных практик, то такие ценности в ответах респондентов могут пережить и не одно поколение, даже если более молодые будут вкладывать в эти формулировки иной содержательный смысл.

Глава 2

Поколения как социологическая категория

МЫ начнем с социологического подхода к анализу поколений и на его основе предложим далее собственную классификацию поколений в современной России.

КАК ПОДХОДИТЬ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОКОЛЕНИЙ

Анализ межпоколенческой динамики — лишь один из способов изучения социальных изменений, имеющий, как и все прочие способы, свои ограничения. Вряд ли многие станут отрицать, что анализ поколенческих сдвигов становится важным по крайней мере с того момента, когда общество выходит из традиционного состояния. В 2010-е годы неакадемические структуры в силу большей гибкости и реактивности на происходящие изменения уже всерьез заинтересовались проблемой миллениалов. С одной стороны, работодатели озабочены тем, как привлечь и удержать представителей нового молодого поколения и повысить их лояльность организации. С другой стороны, коммерческие структуры пытаются лучше понять молодых людей, чтобы побудить их активнее покупать все новые и новые товары и услуги. Наконец, с третьей стороны, политические орга-

низации (системные и внесистемные) пытаются понять, как вовлечь молодых взрослых в политическую и гражданскую активность или, наоборот, всячески предотвращать эту активность.

В результате проводятся разного рода маркетинговые исследования. Например, в 2016 г. Сбербанк совместно с Validata провел качественное исследование молодежи в возрасте от 5 до 25 лет, включая фокус-группы и интервью с родителями и с учителями-экспертами. Презентация исследования заканчивалась словами: «Они другие — мы должны это признать» [Сбербанк, 2017]. Компания Deloitte провела в 2016 г. опрос 8 тыс. представителей поколения Y в 30 странах мира, к сожалению, не дав возможностей для их сравнения с предшествующими поколениями [Делойт, 2017]. Компания Magram Market Research в 2017 г. попыталась сравнить представителей поколений Y и Z, ограничиваясь в основном их потребительскими предпочтениями. Компания «ГфК-Русь» в 2018 г. продолжила анализ жизненных ценностей молодежи 16–29 лет в сравнении с ценностями всего населения России, который она ведет с 1997 г. Появляется интересная публицистика, посвященная тому или иному поколению (см., например: [Шамис, Никонов, 2017а; 2017б]). Данный список, разумеется, далеко не полон.

В то же время в российских социальных науках поколенческие сдвиги пока остаются вне пристального внимания или отодвигаются на второй план. А систематический количественный анализ социальных межпоколенческих различий в современной России пока и вовсе отсутствует, дело ограничивалось в основном исследованиями в рамках качественной методологии (см., например: [Омельченко, 2011]). Реализовывались также многочисленные проекты по исследованию молодежи, понимаемой скорее как возрастная группа, и без сравнительного анализа с предше-

ствующими поколениями¹. При всей значимости подобных проектов продуктивнее, на наш взгляд, в качестве единицы анализа брать не возрастные когорты, а поколения, проходящие через сходный жизненный цикл, и сравнивать их между собой².

«Влияние поколенческого раздела осознается многими, как и то, что его роль резко возрастает в периоды глубоких изменений. Ирония состоит в том, что то, что мешает историкам осознать это явление на уровне моделей (т.е. «включить в теорию»), — это их высокая историчность» [Шанин, 2005, с. 38].

Возраст является исходной, но не достаточной характеристикой поколения в социологическом смысле. Если мы хотим рассматривать поколения не как сугубо статистические, а как социальные группы, мы должны дополнить демографический подход историко-культурным, где под поколением понимается не просто возрастная когорта (например, люди, родившиеся в 1986–1990 или в 1991–1995 гг.), но в первую очередь группа людей, совместно переживших какие-то важные исторические события и в силу этого демонстрирующих общность восприятий и практик поведения [Семенова, 2003]. Когортный же анализ при этом сохраняет свое значение, но используется для более детального и дифференцированного анализа социальной динамики, подразумевая, что каждое поколение может включать несколько возрастных когорт [Ибрагимова, 2014; Науэн, 2006].

Социологический анализ проблемы поколений, как правило, начинается со ссылок на классический текст «Проблема поколений» К. Мангейма, который считал, что фе-

---

¹ В качестве хорошего примера всестороннего анализа повседневной жизни российской молодежи 18–30 лет см., например: [Ильин, 2007].

² О концепции жизненного пути см., например: [Тындик, Митрофанова, 2014]. В связи с этим заслуживают внимания советские лонгитюдные исследования, прослеживавшие жизненный путь одной возрастной когорты, проведенные под руководством В.Н. Шубкина и М. Титмы.

номен поколений представляет собой один из основных генетических факторов динамики исторического развития. В исходной точке «поколение» как социальный феномен представляет собой «особый тип тождественности местонахождения», определяемый единством возраста. Но, по мнению Мангейма, поколение определяется не проживанием в одном хронологическом периоде как таковом, а проживанием одних и тех же событий, которые существенным образом влияют на жизнь человека.

«В детском, юношеском и пожилом возрасте люди испытывают одни и те же господствующие влияния, вызванные преобладающими условиями интеллектуальной, социальной и политической жизни. Они — современники, они составляют одно поколение и именно поэтому подвержены общим влияниям. Эта мысль, согласно которой, с точки зрения истории идей, быть современниками — значит подвергаться одинаковым влияниям, а не просто проживать в том же хронологическом периоде, переводит дискуссию из плоскости, в которой существует угроза ее вырождения в своего рода арифметический мистицизм, в плоскость представления о внутреннем времени, доступном для интуитивного понимания <...>. Одновременность приобретает социологическую значимость только тогда, когда подразумевает участие в одних и тех же исторических и социальных событиях» [Мангейм, 2000, с. 15].

Сопереживание этих событий приводит к тому, что Мангейм определяет как «усвоение формообразующих принципов интерпретации новых впечатлений и событий, отвечающих предустановленному группой шаблону» [Мангейм, 2000, с. 40]. Заметим попутно, что по сути это близко понятию «габитуса» П. Бурдьё [1998].

С определенными упрощениями исходная теоретическая схема, построенная на подходе Мангейма, может быть представлена в следующем виде. Поколение, принадлежащее к одной возрастной группе, в один и тот же историче-

ский период переживает аналогичные значимые события. Эти события формируют важную часть условий взросления и социализации данного поколения, отпечатываясь в его исторической памяти. В свою очередь, эти условия конституируют специфические способы восприятия и практики поведения, которые отличают данное поколение от предшественников и последователей.

Следует оговориться, что данная схема, при всей кажущейся простоте, порождает немало сложных вопросов. Во-первых, возникает вопрос о том, какие события следует считать значимыми. Как минимум такое событие должно быть общеизвестным, а кроме того, еще и восприниматься как значимое критической массой представителей данного поколения. Например, полет в космос Юрия Гагарина 12 апреля 1961 г. был общеизвестным и общезначимым событием. А демонстрация советских диссидентов на Красной площади с протестом против введения войск в Чехословакию 25 августа 1968 г., при всей исторической важности, к таким событиям относиться не может.

Во-вторых, не вполне ясно, как определять длину поколения, которое пережило некие значимые события. Тот же полет Гагарина в космос является значимым историческим моментом, но его фиксация не помогает нам в определении границ поколения, для которое это событие стало формативным. Это означает, что речь должна идти не просто о фильтрации отдельных событий. Следует выделять некоторую совокупность связанных событий, а по сути, определенный *период*, в который эти события произошли и который можно операциональным образом отделить от других периодов.

В-третьих, если поколение как крупная возрастная когорта стало свидетелем определенных значимых событий, означает ли это сходные условия взросления для всего этого поколения, которое с неизбежностью неоднородно по множеству социальных параметров? Ведь в нем есть группы материально обеспеченных и бедных, высокообразованных

и необразованных, принадлежащих к титульным этносам и этническим меньшинствам, живущих в крупных городах и отдаленных селах. И кроме общезначимых событий, на условия их взросления влияли также другие, множественные и весьма разнородные факторы, влияние которых не так уж просто оценить. Это ставит и более общий вопрос о том, в какой степени, с точки зрения излагаемой теоретической схемы, мы вообще можем говорить о единых поколениях. В книге данный вопрос будет рассмотрен эмпирически на примере сравнительного анализа городских и сельских миллениалов.

Наконец, в-четвертых, даже если предположить, что условия взросления того или иного поколения были сходными, в какой мере из этого следует сходство восприятий, а вслед за этим — сходство поведенческих практик? Ясно, что подобный вопрос должен проверяться эмпирически, но и на уровне теоретических объяснений он не столь очевиден. По крайней мере указанные связи не могут быть однозначными и жесткими.

Одним словом, как и любая другая теоретическая схема достаточно общего характера, социологическая концепция поколений содержит немало условностей, о которых мы вынуждены помнить при формулировании любого рода выводов.

КАК ВЫДЕЛЯТЬ ПОКОЛЕНИЯ

Сделав необходимые уточнения и оговорки, перейдем к вопросу о том, как развивалась теория поколения после К. Мангейма. На предложенной им концептуальной основе сформировалась теория поколенческих когорт (Generational Cohort Theory), начало которой, как считается, было положено Норманом Райдером [Ryder, 1965]. Затем Рональд Инглхарт разделил послевоенные поколения на материалистически и постматериалистически ориентированные [Inglehart, 1977].

На рубеже 1990-х годов появились более дробные деления поколений, каждое из которых охватывало период 15–20 лет и которые с тех пор используются как базовый инструмент (среди наиболее известных см.: [Strauss, Howe, 1991; Becker, 1992]). Было выделено и особо интересующее нас в данной работе поколение миллениалов [Howe, Strauss, 2000]. В России социологический подход к анализу поколений также нашел себе применение в ряде интересных работ [Савельева, Полетаев, 1997; Семенова, 2003; 2009; Глотов, 2004; Левада, Шанин, 2005], наряду с множеством исследований на пересечении демографии и социологии [Урланис, 1968; Вишневский, 2006].

Если мы хотим проследить социальные изменения, то исследовать представителей отдельных поколений (например, опрашивать подростков или студентов, как это часто делается в проектах о молодежи), на наш взгляд, не слишком продуктивно. Целесообразно сравнивать их с предшествующими поколениями в текущий момент, а лучше — помещая предшественников в ту же фазу жизненного цикла в некотором прошлом. Для проведения таких сравнений и анализа межпоколенческой динамики необходимо прочертить осознанные границы между поколениями. Для этого нужно решить два исходных вопроса: выбрать способ разграничения поколений и привязать их к значимым социальным событиям или процессам.

В отношении первого вопроса мы солидарны с позицией, что разграничивать поколения нужно не по годам рождения и равными когортами с пятилетним или десятилетним шагом, как это принято в демографии [Вишневский, 2006], а по периодам, когда представители того или иного поколения вступают во взрослую жизнь. Именно условия, в которых происходил процесс взросления, и определяют характер того или иного поколения.

При всех вариациях в литературе формативные годы для каждого поколения, как правило, определяются возрастным

интервалом от 17 до 25 лет³. Это так называемые наиболее «впечатлительные годы» (*impressionable years*), когда люди более всего восприимчивы к социальным изменениям. Опыт, накопленный в процессе социализации именно в этот период, оказывает фундаментальное формирующее влияние на всю оставшуюся жизнь, в течение которой люди становятся все менее и менее восприимчивыми к изменениям.

«Гипотеза наиболее впечатлительных лет предполагает, что индивиды наиболее восприимчивы к изменению своих установок в течение позднего подросткового периода и периода взросления, и что эта восприимчивость стремительно падает сразу по их завершении, оставаясь на низком уровне на протяжении всего остального жизненного цикла <...>. В соответствии с гипотезой наиболее впечатлительных лет условия социализации, испытываемые индивидами в период их молодости, оказывают фундаментальное влияние на способы их мышления на всю оставшуюся жизнь» [Krosnick, Alwin, 1989, p. 416].

Добавим, что гипотеза наиболее впечатлительных лет, по свидетельствам цитируемых нами Йона Кросника и Дуэйна Олвина, успешно проходила эмпирическую проверку.

Выделяется также особый период между подростковым возрастом и ранним взрослым возрастом — его называют периодом «взросления» (*emerging adulthood*) между 18 и 25 годами, когда молодые люди по многим параметрам отличаются от подростков, но их еще нельзя считать взрослыми [Arnett, 2000; Бочавер, Жилинская, Хломов, 2016].

«Последние полвека характеризовались очень значительными демографическими сдвигами. В результате период, переживаемый накануне и после двадцатилетнего рубежа, из короткого

---

³ Мангейм, например, указывал, что именно в этот период (начиная с 17 лет) у человека появляется «возможность действительно озадачиваться, раздумывать», начинать экспериментировать со своей жизнью [Мангейм, 2000, с. 34].

переходного отрезка, связанного с освоением взрослых ролей, превратился в самостоятельную фазу жизненного пути, характеризующуюся интенсивными изменениями и поиском возможных жизненных траекторий <...>. Мною предложена теория развития от позднего подросткового периода к периоду после достижения двадцатилетия с особым фокусом на возрастной интервал от 18 до 25 лет. Я пытаюсь доказать, что именно в этот период взросления (*emerging adulthood*) люди уже не являются подростками, но еще не стали молодыми взрослыми. И теоретически, и эмпирически период взросления отличен от предшествующего и последующего периодов. Взросление характеризуется относительной независимостью от устойчивых социальных ролей и нормативных ожиданий <...>. Взросление представляет собой жизненный интервал, когда остаются возможными множественные жизненные траектории и будущее определено лишь в самой минимальной степени» [Arnett, 2000, p. 469].

Итак, мы определили формативные годы, значимые для образования любого поколения, теперь следует обратиться ко второй стороне и идентифицировать значимые события. При эмпирическом определении границ между поколениями принято выделять крупные исторические события или процессы, фиксируемые в памяти тех или иных поколений в качестве центральных. Это означает, в частности, что классификация поколений должна формироваться применительно к историческим условиям конкретной страны или по крайней мере корректироваться применительно к этим условиям. В российской истории последнего столетия есть относительно четкие вехи, которые позволяют выделять поколения более или менее сходным образом: Великая Отечественная война — период оттепели — период застоя — перестройка и либеральные реформы — период стабилизации. Поэтому, несмотря на различия подходов, границы поколений, как мы увидим далее, проводятся сходными способами [Левада, 2001; Семенова, 2003; Иванова, 2012]. Тем не менее

эти границы требуют, на наш взгляд, некоторых уточнений, и при естественных пересечениях с предшествующими исследованиями предложенная нами ниже классификация от них будет несколько отличаться.

Продвигая социологический подход к анализу поколений, мы ни в коей мере не утверждаем, что поколенческие различия являются главной категорией социальной дифференциации, призванной заменить другие категории — класс, статус или этнические группы. Мы исходим из того, что в определенные периоды тот или иной способ социальной дифференциации может выходить на передний план, в то время как другие, по крайней мере частично, утрачивают свою актуальность. Возрастные различия были по-своему важны во все времена с начала возникновения современного общества. Но в определенную эпоху, особенно когда происходят ускоренные социальные сдвиги, они могут приобретать более принципиальное значение. В связи с этим мы не имеем в виду, что представители социальных наук «проглядели» проблематику межпоколенческого анализа, а теперь она вдруг обнаружена. И это не вопрос субъективной идентификации (внезапно пришедшего осознания принадлежности к молодежи или взрослому поколению). Скорее, произошла объективная актуализация межпоколенческих сдвигов. Возникли важные социальные изменения, которые именно в данный период могут быть интерпретированы в том числе в терминах смены поколений.

Radaev, Vadim

Millennials: How the Russian Society Changes [Text] / Vadim V. Radaev ; National Research University Higher School of Economics. — 2nd ed. — Moscow: HSE Publishing House, 2020. — 224 pp. — (Social Theory). — 1000 copies. — ISBN 978-5-7598-2160-1 (hardcover). — ISBN 978-5-7598-2059-8 (e-book).

The book comes up with an idea of fundamental social change derived from the generational shifts in contemporary Russia. A sociological approach towards the generational cohort analysis is developed with an original classification of generations based upon historical conditions faced during the years of emerging adulthood. A special emphasis is made upon the youngest adult generation of millennials coming out of their adolescence in the 2000s. Data were collected from the annual Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE) in 1994–2016. Significant and robust differences are revealed between millennials and previous generations with regard to the family planning, use of digital technologies, commitment to the healthy lifestyles, religious affiliation, subjective well-being, and other social indicators. In some cases, like use of digital technologies, millennials contribute to acceleration of existing trends whereas in other cases, like alcohol consumption and smoking they provide a break in these trends. The book is concluded with two essays on distinctive features of young adults and challenges faced by the universities in the education of millennials.

СЕРИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ»
основана в 2009 г. Валерием Анашвили

В серии вышли: <id.hse.ru/books/series/17870538>

Научное издание

Вадим Радаев
МИЛЛЕНИАЛЫ:
КАК МЕНЯЕТСЯ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Второе издание

Заведующая книжной редакцией ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА
Редактор АНАСТАСИЯ АРХИПОВА
Верстка: СВЕТАНА РОДИОНОВА
Корректор ЕЛЕНА АНДРЕЕВА

Дизайн обложек серии: ABCdesign
ПОЛИНА ЛАУФЕР, ТАТЬЯНА БОРИСОВА
Дизайн блока серии: СЕРГЕЙ ЗИНОВЬЕВ

В оформлении обложки использован digital glitch text effect:
<<https://www.graphicsfuel.com/2016/02/digital-glitch-text-effect/>>

Подписано в печать 07.02.2020. Формат 60×90/16
Усл. печ. л. 14,0. Уч.-изд. л. 9,2. Печать струйная ролевая
Тираж 1000 экз. Изд. № 2386. Заказ №

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20,
тел.: 8 (495) 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8 (499) 270-73-59